

Русский диктант

Идея «Тотального диктанта», родившаяся в стенах Новосибирского государственного университета, отмечает десятилетний юбилей. Это побуждает подвести некоторые итоги. Сама по себе мысль вывести образ грамотного человека из ниши неудачников заслуживает поддержки: она, безусловно, полезна. Но «как корабль назовёте — так он и поплывёт», диктант с эпатирующим названием «тотальный» вызывает вопросы в области как методологии, так и выбора текстов. Грамотность — свойство не только навыка, но и чутья, один из основных её источников — прочитанные художественные тексты, ключевые для развития языка и национального мирозерования. За десять лет для того, чтобы проверить грамотность, предлагались отрывки из произведений Льва Толстого, Александра Бека, Ивана Соколова-Микитова, Василия Быкова, Редьярда Киплинга, Николая Гоголя, Бориса Стругацкого, Дмитрия Быкова, Захара Прилепина, Дины Рубиной, Алексея Иванова. Иногда вариантов было несколько, и они были глубоко неравноценны, что не стало бы проблемой, если б вслед за подведением итогов не наступало пафосное награждение «самых грамотных».

Можно сделать одно характерное наблюдение: чем дальше, тем больше стремление назначить автором диктанта увенчанного премиальными лаврами писателя-современника сочеталось с общей демонстрацией процедуры и одновременно слабостью методологии. С точки зрения не пропагандистской, но именно учебной лучшим так и остался диктант по Соколову-Микитову. В 2015 году автором диктанта стал Евгений Водолазкин. «ЛГ» неоднократно высказывалась на тему странности выбора текстов для тотального диктанта, а также способа его проведения. Он обыкновенно превращается в шоу: текст зачитывает не учитель и не преподаватель вуза, а актёр или деятель искусства. Вот такой отзыв о манере их чтения можно назвать достаточно характерным: «Мне как человеку, преподающему орфографию студентам-филологам и школьникам, было весело наблюдать за актёрами, которые стара-

лись выразительно, по-театральному, чтоб сорвать аплодисменты, прочитать текст, теряя при этом целые союзы, меняя слова местами и пропуская первые абзацы». По-прежнему есть вопросы к самому диктанту — вот, например, отзыв специалиста о прошлогоднем тексте Алексея Иванова: «Он был простым орфографически, но нелепым пунктуационно. При проверке пришлось опустить авторские знаки препинания и засчитывать как правильные все возможные, с точки зрения нормы, варианты».

Поэтому мы начинаем проект «Русский диктант», где будем публиковать подготовленные альтернативные тексты, которые, на наш взгляд, больше подходят для «тотального диктанта» с точки зрения всех возможных благих целей его проведения.

Первый текст составлен по статьям известного российского писателя, лауреата премии «Золотой Дельвит» Владимира ЛИЧУТИНА «О русском слове» и «Слово о бессловесных...»

КОММЕНТАРИЙ СОСТАВИТЕЛЯ

Владимир Личутин замечательно говорит о русском слове, отражая современный взгляд на его природу, на историю языка, его эволюцию. Предложенный текст имеет образный характер, который во многом проявляется посредством использования устаревшей лексики.

К орфографическим особенностям текста относятся правописание проверяемых безударных гласных в корне слова, правописание -тся и -ться в глагольных формах; правописание наречий; различение не- и ни- (в качестве приставок и частиц).

Пунктуационные особенности текста: пунктуация в сложных предложениях, при однородных членах предложения (в том числе с обобщающим словом), при обособленных членах предложения, при союзе как (соединяющем сравнительный оборот или имеющем значение «в качестве»).

Ольга Лёвушкина,
доктор педагогических наук,
доцент кафедры филологического
образования Московского института
открытого образования

Божественный дар*

Каждый из нас, будто почка, крохотный листок на древе нации, не может верно знать, как живёт разговорный язык, какими путями движется, погружается ли, озвучив от бытия, в омут времени на погребение, или зотов вскоре вновь вернуться из забвения на поверхность русской жизни. Нам не дано угадать, беднее или богаче бы язык наших предков две тысячи лет тому назад, ибо целые пласты сословно-быта, обычаев или обрядов время от времени выпадали из внешнего оборота и сонно оседали на дно, не ислевая там вовсе, как летошная трава, и после снова всплывали для нашей услуги и воспитания души. Осколки вроде бы забытого словарного свода вдруг являються к нам вроде бы ниоткуда, влетают в живую ткань разговорного языка,

замечая собою временные, текущие и случайные слова.

Другое дело, что мы разучились обращаться с ним из-за духовного оскудения. Прибавтки, скомошники, поговорки и загадки, частушки и прибаутки — вся эта красноречивая была уместной в обыденной речи, придавала разговору чувственный окрас. Нам не хочется говорить красиво, и оттого мы потихоньку засохли, заскорбели умом и душою. Свицовой мерзость немало положила усилить, чтобы осколотить нас...

Мы не знаем, как создаётся и живёт мысль, но верно знаем, что без слова она не живёт, не может явить себя. Мы не знаем, да, пожалуй, и никогда не познаем, что есть слово в своей сущности, в своей сердцевине, почему оно так воздействует на человека и вообще на весь мир, благодатно преображая его иль роняя в жесточь и погибель. Во всей природе,

пожалуй, не сыскать более сложного элемента, как слово, живущего особняком, но среди нас и в нас, не входящего ни в какие периодические таблицы. Учёные долго и самоуверенно разгадали ядро, пытаясь дойти до глубины, и, хоть проникли слегка, разбавя, облебушавая, как луковичу иль капустный кочан, в конце концов пришли к мысли, что оно бесконечно, как бесконечна вселенная. Но к сущности слова, к его жизни в природе не могут даже подступиться, оно не даёт, отталкивает, не раскрывает своих внешних покровов. Его никогда не увидеть, не взять в полон, не измерить его энергии, побудительных свойств и качеств. Даже в простейшем слове зашифрована история рода и народа. Мы принимаем его как божественный дар, в нём таятся нрав и норы, психология, заповедность, союз земли и неба.

Слово остаётся на земле как охранительная соборная память нации, её бесценное богатство.

(Всего 369 слов)

ТЕМА ВОЙНЫ

Великая Отечественная — имя собственное

Публичный урок — это урок для широкой публики, для всех, кому хочется ощутить себя в роли человека познающего, читающего и говорящего на родном языке «с чувством, с толком, с расстановкой». Поэтому, чтобы он состоялся, тема его должна быть значимой как для детей, так и для взрослых.

В Вятской гуманитарной гимназии прошёл публичный урок для 7–8-х классов, посвящённый правописанию имён собственных, связанных с Великой Отечественной войной. Эпиграфом к нему мы взяли строки из стихотворения Евгения Аграновича:

*От героев былых времён
Не осталось порой имён.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землёй, травой.*

А можно ли сохранить в народной памяти имена героев, павших на фронтах Великой Отечественной, возродивших не только нашу великую страну, но и большую часть Европы? Знаем ли мы, как пишутся названия не только орденов и медалей, самолётов и другой военной техники, но и само название войны?

Ученикам даётся задание: попробуйте верно определить написание знаковых словосочетаний, связанных с Великой Отечественной войной. Выполните небольшую словарную работу.

(В,в)торая (М,м)ровая война, (В,в)еликая (О,о)течественная война, (К,к)расная (А,а)рмия, (О,о)рден (М,м)ужества, (О,о)рден (К,к)расной (З,з)везды, (К,к)авалер (О,о)рдена (П,п)обеда, (М,м)едаль (З,з)олотая (З,з)везда (Г,г)ероя (С,с)оветского (С,с)оюза, (О,о)рден (О,о)течествен-

ной (В,в)ойны I и II степени, (М,м)едаль (З,з)а победу над Германией в (В,в)еликой (О,о)течественной войне 1941–1945 гг., (М,м)осковская зона обороны, (С,с)тавка (В,в)ерховного (Г,г)лавного командующего, (К,к)омандующий (З,з)ападным (Ф,ф)ронтом, (Я,я)стребок, (Д,д)ень (П,п)обеды.

Проверьте, пожалуйста, правильно ли вы записали все слова.

Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Красная Армия, орден Мужества, орден Красной Звезды, кавалер ордена «Победа», медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, орден Отечественной войны I и II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Московская зона обороны, Ставка Верховного Главнокомандующего, Командующий Западным фронтом, «ястребок», День Победы.

Учитель беседует с детьми, используя иллюстративный материал.

Многие из вас знают правила написания имён собственных, но не все справились с предложением работой. Написание некоторых имён собственных, возникших в период Великой Отечественной, связано не только с основным лексическим значением, но и с добавочными смыслами, введёнными в целую эпоху. Давайте вместе попробуем составить словарь имён собственных Великой Отечественной войны. С чего нужно начать? Начать следует с имён родственников, сражавшихся на фронте или трудившихся в тылу.

А вы знаете, почему война 1941–1945 гг. называется Великой Отечественной? Слово «отечественная» было произнесено заместителем председателя правительства Вячеславом Молотовым в радиобращении к советскому

народу в первый день войны. Было ли словосочетание «отечественная война» ассоциацией с Отечественной войной 1812 года, трудно сейчас сказать. Бытует версия, что полная фраза «Великая Отечественная война» была напечатана в газете «Правда» уже 23–24 июня 1941 года. А слова «великая война» произнёс Иосиф Сталин в радиобращении к народу 3 июля 1941 года. Позже в военных газетах стали публиковать различные сочетания этих слов.

В феврале 1942 года Сталин приказал разработать награду для лиц рядового и командирского состава, особо отличившихся в боевых действиях. Эскиз боевого ордена был разработан художниками С.И. Дмитриевым и А.Н. Кузнецовым. Он получил название «Орден Отечественной войны I и II степени». Это была первая награда, появившаяся в годы войны. Впервые было и разделение на степени. После этого указа война советского народа окончательно стала называться Великой Отечественной.

Какими ещё орденами и медалями награждали за подвиг на войне?

Орден «Победа» — высшая военная награда Союза Советских Социалистических Республик, созданная для награждения высшего командного состава РККА за успешные операции в масштабах фронта или нескольких фронтов. Первыми кавалерами ордена «Победа» стали маршалы Жуков, Василевский, а также Сталин за освобождение правобережной Украины.

Орден Славы учреждён 8 ноября 1943 года. Он повторял по идеологии Георгиевский крест, или знак отличия «Солдатский Георгий» дореволюционной России; им награждались последовательно от I до III степени, награда всех степеней имела одинаковую ленточку, это был единственный орден,

которым награждались только солдаты и сержанты.

Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза была учреждена 1 августа 1939 года. Трижды данной награды удостоивались С.М. Будённый, И.Н. Кожедуб и А.П. Покрышкин, четырежды — Г.К. Жуков.

Медаль «За отвагу» — одна из первых и по своему статусу высшая медаль в наградной системе Союза Советских Социалистических Республик, вручаемая за личное мужество и отвагу в борьбе с врагом.

А в ваших семьях были награждённые этими орденами?

В 1944 году были учреждены ордена «Мать-героиня» и «Материнская слава» I, II и III степени. Как вы думаете, почему в то время, когда ещё гремит война, правительство учреждает награды для матерей?

Итак, ещё раз внимательно посмотрите на названия орденов и медалей и выведите правило написания наград.

Правило: названия орденов, медалей, наград, знаков отличия, не сочетающиеся синтаксически с родовым наименованием, заключаются в кавычки и в них пишется с прописной буквы первое слово и собственные имена: орден «Мать-героиня», орден «За заслуги перед Отечеством», медаль «За отвагу».

Все прочие названия наград и знаков отличия кавычками не выделяются, и в них пишется с прописной буквы первое слово (кроме слов «орден», «медаль») и собственные имена: орден Дружбы, орден Отечественной войны I степени, орден Почётного легиона (Франция), орден Андрея Первозванного (Франция), орден Святого Георгия, медаль Материнства, Георгиевский крест.

ДО САМОЙ СУТИ

Навстречу Петру Ершову

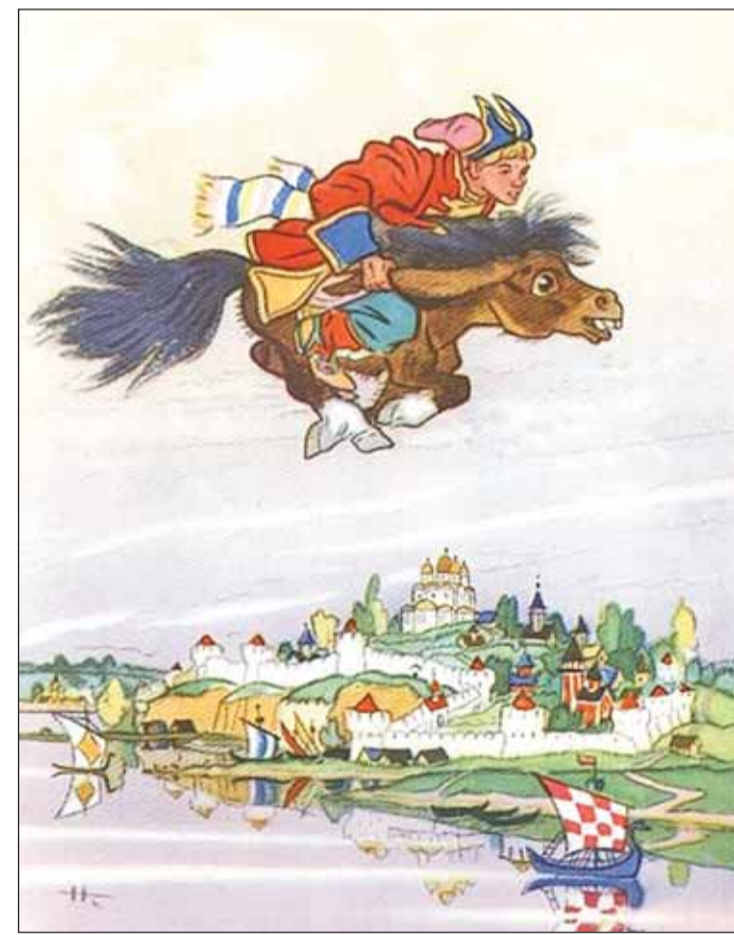
Текст «русской сказки» Петра Ершова живёт в сознании многих поколений россиян, только в XX веке он более двухсот раз переиздавался в нашей стране. Созданный автором для взрослого читателя, «Конёк-Горбун» не только поменял своего адресата, став классикой детской литературы, но и изменил графику заглавия, ведь при Ершове «Горбун» писался со строчной буквы. Устойчивость репутации этого произведения, ненасильственность его продвижения из «малого» времени в «большое», его неминуемая и постоянная читабельность феноменальны.

Восторги по поводу энциклопедизма сказочного русского мира, созданного литератором из Сибири, оправданны и закономерны. Именно они чаще всего и становятся основой методических разработок для разговора о ершовской сказке с учащимися. В качестве примера можно привести «Сборник научно-педагогических статей» ишимского специалиста М.Ф. Калининской, изданный «в помощь учителю» и обобщающий многолетний опыт работы со сказкой в детской аудитории («Художественное и педагогическое наследие П.П. Ершова»). Ишим, 2006). Автор показывает, как можно, отталкиваясь от первоначального анализа сказки посредством проповедской ме-

подсчёты, таблицы, вокруг которых он сможет на уроке выстроить разговор о восемнадцатилетнем студенте Ершове, вступившем в творческое соперничество с Пушкиным — сказочником и автором «Руслана и Людмила».

Но вопрос о стихе Ершова может быть поставлен не только в младшем и среднем звеньях школы, но и в старшем звене. «Книга про бойца» А.Т. Твардовского также написана четырёхстопным хореем, как и «Конёк». Вопрос о народном русском герое, проходящем череду смертельных испытаний и выходящем из них победителем, вопрос о природе народной книги у Ершова и Твардовского, о соотношении повествователя и героя, об эмоционально-ценностном кругозоре повествователя — разве могут быть рассмотрены эти вопросы вне природы стиха? Ответ очевиден: конечно, нет.

Во-вторых, уроки могут быть выстроены через анализ творческой истории текста ершовской сказки, через сопоставление её первой цензурной редакции 1834 года, которая сегодня общедоступна (М., 1997), и канонической четвёртой редакции, которая, не считая изменений в прежнем тексте, увеличилась на 250 стихов, то есть на 11% от прежнего объёма. В той же коллективной монографии сибирских

тодики функций героя в тексте, обострив тем самым восприятие «Конька-Горбунка» учениками, выйти не только на проблему космоса сказки как жанра, но и главное — её литературности, предметно обозначив между устного народного и индивидуального творчества.

В силу того что большинству ребят сказка уже знакома, возникает удобное поле для творческого углубления представлений учащихся в разных направлениях в зависимости от реального контекста и задач, которые учитель формулирует как на личную, среднесрочную, так и на дальнюю перспективу.

Во-первых, это возможность стиховедческого вектора урока. Известно, что Ершову к моменту создания сказки могла быть знакома пушкинская «Сказка о царе Салтане». Возможен сопоставительный анализ работы автора с четырёхстопным хореем парной рифмовки, рифменной культуры текстов. В том же Ишиме в 2013 году издана коллективная монография «Творчество П.П. Ершова: сказка и стих». В ней есть глава «Стих П.П. Ершова», написанная А.И. Кушниром, где учитель найдёт интереснейшие наблюдения,

специалистов различия редакций чётко зафиксированы. Учитель получает возможность по строчкам обсуждать с детьми творческую лабораторию поэта, замены лексем, обозначений героев, рифменного ряда, комментариев повествователя-балагура, размышлять над мотивацией автора по поводу конкретных изменений.

Следующее. На момент создания сказки Ершов был студентом третьего курса философско-юридического факультета императорского университета столицы, заинтересованным читателем «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. И мир его сказки переполнен профессиональными историческими и юридическими деталями и знаниями, благодаря которым юный автор сконструировал обобщённый иронико-мифологический образ русской государственной жизни, сохранив в нём реалии званий, титулов, уложений нескольких веков. Эта сторона текста реконструирована в комментарии к сказке в той же коллективной монографии, написан комментариий доктором филологических наук Н.А. Рогачёвой.

Критерии преткновения

Знаменательно, что в Год литературы обсуждается школьное сочинение. Но кажется, что обсуждение это начинается с чистого листа.

Российские учителя литературы в первой половине 2014/2015 учебного года оказались в ситуации стресса. Учеников 11-го класса буквально за два месяца необходимо было подготовить к сочинению. Конечно, любой современный учитель готов всегда и ко всему. Однако новый экзамен по старой форме вызвал больше вопросов, чем предложил готовых ответов.

Чтобы подготовить учеников к экзамену, преподаватель должен понимать, что именно будет проверяться в письменной работе, какие знания, умения, способности, реакции учеников окажутся необходимыми в возникшем положении.

Ключом к пониманию целей и задач возвращения сочинения являются критерии оценки, которые, по ожиданиям многих учителей, связаны с повышением значимости литературного и языкового образования, появлением новых стимулов к чтению классической литературы и появлению у выпускников желания и готовности проявить свою личность в тексте.

Сочинение должно проверяться так, чтобы выявить объективные показатели развития ученика, его готовности к взрослой жизни, способности самостоятельно рассуждать и аргументировать выдвинутые тезисы с помощью опыта, актуализированного в классической и современной литературе.

Традиционно письменная работа в форме сочинения на заданную тему позволяет оценить ряд умений: а) рассуждать на заданную тему; б) показать отношение к категории добра и зла, прекрасного и безобразного; в) грамотно писать на русском языке,

соблюдая в тексте качества хорошей речи: правильность, чистоту, богатство, точность, выразительность, уместность; г) использовать литературный материал для аргументации своей позиции.

Метапредметный характер сочинения, о котором так много говорили, предполагает оценку этических и эстетических ценностей выпускника, то есть способности задавать оси координат добра и зла, прекрасного и безобразного.

Учителя отмечают размытость предложенных в 2014 г. критериев для проверки сочинений. С одной стороны, это стало основанием для положительной оценки (зачёт) большинства работ. И это, несомненно, хорошо для учеников, учителей, директоров школ, работников комитетов и Министерства науки и образования. С другой — широта и неопределённость критериев не позволяют дифференцировать уровень читательской компетенции.

Предложенные в 2014 г. критерии для проверки сочинения были восприняты педагогическим сообществом как временные, так как они не соответствуют современным научным подходам к тексту и не предлагают точных количественных параметров.

Критерий № 1 — «Соответствие теме» — не даёт возможности проверить и оценить уровень осмысления художественного текста.

В критерии № 2 — «Аргументация. Привлечение литературного материала» — не предлагаются ни параметров анализа художественного произведения, ни количества допустимых фактических ошибок. Литературные примеры, приводимые учениками, однообразны; это свидетельствует о том, что круг их чтения узок.

Для критерия № 3 — «Композиция и логика рассуждения» — не определе-

но точное количество грубых логических нарушений.

На усмотрение проверяющего от дан и критерий № 4 — «Качество письменной речи». То есть можно сделать вывод, что незачёт должен ставиться только за грубое косноязычное изложение мыслей. Субъективность в оценке текста допускает такая интерпретация критерия: «Низкое качество речи, в том числе речевые ошибки, существенно затрудняет понимание смысла сочинения».

Критерий № 5 — «Грамотность» — оценивает общее количество орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок (5 на 100 слов текста), то есть на 350 слов — средний объём сочинения — допустимо 17 ошибок. Даже такая низкая планка грамотности в 2014 г. во многих работах не была взята выпускниками.

Критерии оценки сочинения не должны быть похожи на систему проверки единого экзамена по русскому языку. Сходство выпускного сочинения и мини-сочинения на ЕГЭ по русскому языку обусловлено общностью жанра письменной работы (эссеистическое рассуждение) и единичными задачами проверки. Отсутствие жанрово-стилистических ориентиров — один из главных недостатков, скрывающихся в формулировке задания и списке предложенных тем в 2014 г.

Сочинение востребовано системой образования потому, что часть С обязательного экзамена по русскому языку не позволяет пишущему реализовать творческий потенциал и обнаружить систему взглядов на жизнь.

Недостатком вновь введённой формы аттестации можно считать отсутствие дифференцированной оценки. Разработка количественных показателей повышения или пони-

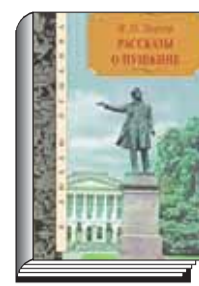
жения балла по каждому критерию делает оценивание более объективным и целенаправленным.

Выпускное сочинение должно значительно отличаться от задания части С экзамена по русскому языку, оно должно развиваться в другой жанрово-стилистической плоскости, раскрывать горизонты литературного творчества как способа мироощущения выпускника.

В качестве критериев оценки можно предложить следующие: *соответствие сочинения теме и жанровым особенностям текста; опора на литературный материал; владение понятиями этики и эстетики; соблюдение качества хорошей речи: правильности, чистоты, богатства, точности, выразительности, уместности; оригинальность.* Каждый из названных параметров текста может иметь шкалу с количеством баллов. Таким образом, оценивание речевого, эстетического и эстетического развития выпускника должно проходить с помощью такой формы, как выпускное сочинение.

Каким будет сочинение, как будет организована подготовка и процедура проведения, зависит от того, какие показатели готовности выпускников к взрослой жизни и продолжению образования будут заложены в критерии оценки текста. Камнем преткновения в споре о школьном сочинении как форме итоговой аттестации выпускников становится именно критериальная оценка текста. Сочинение станет действенным средством оценивания зрелости личности, если будут найдены и зафиксированы в официальных документах критерии оценки хорошего текста.

АЛЕКСЕЙ ДУНЕВ,
учитель русского языка и литературы,
кандидат филологических наук,
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Николай Анциферов.
Рассказы о Пушкине. — М.: Книжный клуб Книголек, 2015. — 224 с. — Тираж не указан.

Изданные в 1929 году, «Рассказы о Пушкине» наконец-то вновь пришли к читателям. Николай Осипович Лернер — видный, ещё даже дореволюционный историк литературы. В его книге о Пушкине идеологических акцентов почти нет — это биографические рассказы о некоторых значимых фигурах в жизни поэта (сестра Ольга и её муж Николай Павлович, Екатерина Бакунина, А.С. Грибоедов и другие) или же исследование создания некоторых пушкинских произведений. Таковы рассказы о стихотворении «Пророк», о «Цыганах», «Пиковой даме», «Истории Пугачёва», «Маленьких трагедиях»... Лернера интересуют возможные прототипы образов, внешние влияния, источники сюжетов, варианты текста. Несмотря на небольшой объём и вынужденный слог, книгу затронутительно рекомендовать старшеклассникам (разве что продвинутым), но учитель сможет почерпнуть из неё немало интересных фактов, знание которых может быть необходимым для вдумчивого анализа текста.

Николай Анциферов.
Радость жизни былой... Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. — Новосибирск: Свиньи и сыновья, 2014. — 656 с. — 500 экз.

Петербург — город-символ, «самый отвлечённый и умышленный город на всём земном шаре», как писал Достоевский в «Записках из подполья», заветный город, отвоёванный у самой природы, призванный стать предметом совершенно особенного исследования. И в трудах историка-урбаниста и литературоведа Николая Павловича Анциферова был сделан такой прорыв: темой исследования стал не только Петербург-декорация, Петербург — место действия, Петербург-сцена. Темой стал Петербург-творец, определяющий судьбу автора и героев, не просто подчиняясь писателю, но и формируя его замысел. Выйти на этот уровень было непросто. Сперва Анциферов разбирал, как выстраивался образ города в книгах зарубежных классиков — Гюго, Балзака, Диккенса. И лишь потом перешёл к Петербургу Достоевского — месту, где внутренний мир города и внутренний мир героя достигают небывалой глубины и значительности, где анализу подвергнуты — последовательно — город в целом, его монументальный облик, природный ландшафт, отдельные районы, улицы и даже дома.

Юрий Шатин.
Русская литература в зеркале семиотики. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 344 с. — Тираж не указан.

В центре внимания литературоведа Юрия Васильевича Шатина находятся компоненты и схемы сюжетов, знаковые для русской литературы — классической и отчасти современной. Как используются и развиваются различные мотивы (например, «отъезд за границу» или «супружеская измена»), как даёт о себе знать в русских романах большая история, из каких компонентов «сшивается» действие — всё это попадает в поле зрения исследователя. Взаимодействие монолога и диалога, стиха и прозы, повествователя и действующих лиц, жанровые особенности произведений — Шатин затронул многие аспекты, значимые для анализа литературного текста. Его интересуют и отдельные популярные концепты, и авторские стили, их корни и развитие. При такой широте спектра трудно говорить о глубине исследования, но многие наблюдения учёного представляются меткими и обоснованными.

Звучащая книга

Михаил Панов.
Лингвистика и преподавание русского языка в школе. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 272 с.: ил. — 1000 экз.

Эта уникальная книга представляет собой курс лекций, прочитанных учёным и учителем Михаилом Викторовичем Пановым в 1995/1996 учебном году в Московском институте педагогического института (ныне МГГУ им. Шолохова). Уникальна она тем, что записана с голоса на магнитофонную плёнку, и в расшифровке сохранены все особенности той тёплой, доверительной, разговорной манеры, которая была характерна для Панова. Но никакой расшифровка не может передать обаяния звучащих интонаций, и к книге прилагается ещё и диск, так что перед нами — звучащая книга.

Но мы не только поэтому рекомендуем её учителям. Учёный-лингвист, ученик Реформатского и Аванесова, Панов был и талантливейшим практикующим школьным учителем. Читая слушателям курс лекций о русской лингвистике, он сопровождает их историческими анекдотами, яркими, остроумными и очень показательными зарисовками: знаменитые Щерба, Ушаков, Гвоздев предстают на страницах его книги как живые. Кроме того, он постоянно делится своим богатейшим опытом, Панов — педагог, любящий студентов, педагог во всём, и недаром для него характерны такие слова: «Учитель — Плюшкин, учитель — скопидом... У учителя два внимания: одно внимание читает художественное произведение и языком шёлкает, головой мотает: «Ах, до чего замечательно!..» А работает там у него фонарик, педагогический фонарик горит: «Как здорово прилагательные качественные тут сочетаются, так что очень интересно!» Сейчас же на бумажку выписывает — и в торбочку». Именно так читал художественную литературу Панов. Но и сам был неистощимым выдумщиком всевозможных сказочных историй, призванных в занимательной и лаконичной форме образно объяснить детям лингвистические понятия.

Даже читая курс студентам, Панов заботился о том, чтобы привнести в него элементы игры и лирических отступлений, а уж для школьников придумывал всё новые и новые способы усвоения материала. Вот, например, такой: написать вместе с детьми главу учебника под названием «Части речи» или просто собрать в классе коллекцию аналитических прилагательных. Мы не только разговариваем с помощью языка — мы с помощью языка думаем, и дети должны научиться чувствовать эту связь, отенки мысли и речи; так, тему особенностей Панов объясняет через логику языка. Подступая к теме синтаксиса, он советует распустывать предложения «с конца», с наиболее зависимых слов, за которые, как за кончик нити, можно вытянуть всё предложение, установить имеющиеся в нём связи.

Весьма интересна заключительная глава книги — «Анализ поэтического текста в школе». Впрочем, Панов говорит о необходимости работы с текстом на всех этапах обучения и выделяет три основных рода таких занятий. Первое: дети пишут сами. Это может быть, например, буриме с заранее заданными шаблонными рифмами, помогающими понять, как устроен текст. Второе: мы подбираем текст, который насыщен определёнными грамматическим материалом. Третье: работа над пониманием литературного текста — заключительная глава книги посвящена именно этому.

Помимо своих ипостасей учёного и учителя Панов был воином — артиллеристом, прошедшим всю Великую Отечественную войну, закончившим её в Карпатах. А ещё он был поэтом. В рубрике «Лирическая перемена» мы опубликуем его стихотворение «Победа».

Великая Отечественная — имя собственное

Окончание. Начало на стр. 1

Примечание. В некоторых названиях орденных с прописной буквы пишутся все слова, кроме слова «орден»: орден Красного Знамени, орден Октябрьской Революции.

Даже фронты Великой Отечественной имели собственные названия! Фронт — высшее оперативно-стратегическое объединение войск действующей армии в период войны, он включает в себя объединения, соединения и части всех родов войск. Фронт может занимать в зависимости от обстановки и решаемых задач полосу шириной от нескольких километров до нескольких сот километров и быть глубиной от нескольких десятков до 200 километров. Обычно название фронту давалось по региону его действий (Дальневосточный, Украинский) или по названию крупного города, в районе которого он действовал (Ленинградский, Воронежский). В начальный период войны фронты именовались по их географическому месту в общей линии обороны (Северный, Северо-Западный). Изредка фронт получал наименование по своему предназначению (Резервный).

Война есть война, но люди и на войне старались сохранить в себе человеческие качества, поэтому даже своим стальным братьям давали имена. Откуда взялась знаменитая «Катюша»? Кто скажет, почему появились эти названия Великой Отечественной войны? Кто скажет, почему появились эти названия Великой Отечественной войны?

Наиболее распространёнными и обоснованными являются две версии. Первая: по названию ставшей популярной перед войной песни на слова Михаила Исаковского «Катюша». Название может быть связано и с индексом «К» на корпусе мины — установки выпускались заводом имени Коминтерна. А фронтовики любили давать прозвища оружию. Например, гаубицу М-30 прозвали «матушкой», пушку-гаубицу МЛ-20 — «мелькой». Да и БМ-13 — началу иногда именовали «ранской сергеевской», таким

образом расшифровывая сокращение РС (реактивный снаряд). Пишутся такие названия в кавычках со строчной буквы.

А кто может назвать марки военных самолётов?

«Ла-5» — одномоторный истребитель, созданный под руководством С.А. Лавочкина в Горьком (ныне — Нижний Новгород). Самолёт представлял собой одноместный моноплан цельнодеревянной конструкции с убирающимися шасси и закрытой кабиной.

«Ил-2» — советский штурмовик, созданный под руководством С.В. Ильюшина. Самый массовый боевой самолёт в истории: было выпущено более 36 тысяч штук. В Красной армии самолёт получил прозвище «горбатый» (за характерную форму фюзеляжа). Конструкторы называли разработанный ими самолёт «летающим танком». Немцы пилоты за живучесть и недостаток манёвренности — «бетонный самолёт» и «цементный бомбардировщик».

«У-2», или «По-2» — многоцелевой биплан, созданный под руководством Н.Н. Поликарпова в 1928 году, с началом Великой Отечественной войны передельвался в лёгкие ночные бомбардировщики. «У-2» мог совершать взлёт и посадку на самых малых аэродромах и даже на неподготовленных площадках. Об этом самолёте снят фильм «Небесный тиход». После смерти Поликарпова в 1944 году самолёт в честь создателя переименовали в «По-2».

«Як-9» — советский одномоторный самолёт истребитель-бомбардировщик. Разработан КБ под управлением А.С. Яковлева. Был самым массовым советским истребителем Великой Отечественной войны, его ласково называли «ястребком».

Давайте вспомним (или узнаем) основное правило написания названий самолётов

пов-2» («По-2»), «МБР-2», «Як-1».

Но в специальной литературе названия-аббревиатуры пишутся без кавычек: МБР-2, По-2, У-2, Як-1.

Бытовые, разговорные прозвища самолётов пишутся в кавычках со строчной буквы: «кукурузник» («У-2»), «ястребок» («Як-9»).

Прочитайте короткий рассказ о войне Сергея Алексеева. Какие имена собственные использует автор в тексте и почему? (Каждый участник получает текст.)

ХОЛМ ЖИРКОВСКИЙ

Осень коснулась полей Подмосковья. Падают первый лист. 30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» — назвали фашисты план своего наступления. Тайфун — это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Схватить советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

Верьт фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу самолетов, почти тысячу самолётов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление. На одном из главных участков фронта фашистские танки двинулись на населённый пункт Холм Жирковский.

Подожли к посёлку фашисты. Смотрят. Что он танкам — какой-то там Холм Жирковский! Как лав на зубок горошина.

— Форвертс! Вперёд! — кричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время. — Десять минут на итурм.

Пошли на Жирковский танки. Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая

бригада. Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые. Ползут на окопы танки. Один прямо идёт на Унечина. Взят Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк. — Бросай, бросай, — шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин. — Бросай же, леший тебя возьми! — уже не шепчет — кричит сосед.

Кисходу суток пришёл приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идёт Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты — всё поле в побитых танках: земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал: — Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

— Не Жирковский, считай, Жарковский, — кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле: — Конечно же, Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

Учитель обращается к слушателям: «Друзья, мы сегодня вспоминали с вами правила написания имён собственных, связанных с военной тематикой. Но так ли уж важно, как мы пишем словосочетание «Великая Отечественная война»: с маленькой буквы или с большой? Ведь павшим, наверное, всё равно...»

Ученики приходят к выводу: это знак памяти, а значит, благодарности всем тем, кто погиб или выжил, защищая нашу с вами жизнь, забывая об этом мы не должны.

НАТАЛЬЯ МАСЛЯК,
учитель русского языка и литературы

ТАТЬЯНА ШЕРСТОБИТОВА,
учитель русского языка и литературы

МАРИНА ШЕСТАКОВА,
учитель истории и обществознания

БОЛЬШАЯ МАЛАЯ ЛИТЕРАТУРА

О неконтролируемых процессах, флуктуациях и чудесах

Наша школьная литературная студия называется «19 октября»: с одной стороны, это день пушкинского Лицея, а с другой — просто моя собственная привязка к миру. Студия — дело для меня скорее сугубо личное, хотя и не без некоторой общественной пользы. По натуре я не проецировавший действительности, а проявитель и вращиватель того, что уже имеется. Вроде садовника. Компания наша так и сложилась — никакого приказа сверху не было, и даже моего личного проекта не было, а было спонтанное желание нескольких учеников остаться после уроков и поговорить о стихах. На тот момент у меня имелся минимальный учительский опыт и никакого опыта ведения студии. Зато Литинститут за плечами и работа в жюри детских литературных конкурсов, где я наблюдала чудовищные примеры детской графомании, поощряемой взрослыми, и теперь точно знала, чего надо опасаться, когда учишь детей писать.

С тех пор прошло пятнадцать лет, и можно делать какие-то выводы. Понятно, что всегда существует некий процент детей, для которых интерес к слову — врожденная способность. Существуют и домашние настройки — немаловажно, что те шестиклассники-энтузиасты, с которых всё началось, принадлежали к филологическим семействам. Но потом вокруг этого «центра кристаллизации» стали собираться самые разные дети, которым было интересно слушать друг друга, говорить о книгах, спорить на самые разные темы и, разумеется, писать самим. Поскольку мы были объединением неофициальным, нашу болтовню за чаем никто не контролировал и не требовал отчетности на предмет воспитательных и учебных задач. Понятно, что в свободной атмосфере дети чувствуют себя прекрасно и могут научиться каким-то вещам гораздо легче, чем на уроке.

Не буду впадать в иллюзии, что воспитываю литераторов, но то, что наша студия воспитывает читателей, причём не только моими усилиями, но и усилиями друг друга, — это факт.

Каждый год мы выпускаем альманах «Непослушная муза», куда входят не только произведения наших авторов, написанные всерьёз, но и так называемые разминки, на которых мы весело тренируем писательскую технику. Часто играем в литературные игры — пишем буриме, мономимы, тавтограммы, акростихи. Иногда сосредоточиваемся на отдельных жанрах — особой любовью пользуются хайку, лимерики и одностопи. Не отстаём от модных тенденций — «танкетки» и «пирожки» нам тоже знакомы. Ещё из наших любимых рубрик: «По следам Сэй Сёнагон», «Надписи на заборе», «Что было бы, если бы...» и тому подобное. Иногда мы перемешиваем в шапке бумажки с разными словами, вытягиваем две из них и получаем неожиданную тему, например «Салют и вождь», после чего каждый пишет этюд. Иногда мы отработываем конкретные умения — например, художественно описать группу предметов или выстроить динамичный диалог двух антиподов, допустим, Розы и Капусты. «Разминки» заведомо несерьёзны и ограничены во времени — всё делается здесь и сейчас, но даже и в этом случае получаются интересные результаты.

Кроме этого коллективного экстаза под названием «Литклуб», сопровождаемого болтовней, смехом, колкими замечаниями, взаимными выражениями симпатии и антипатии и огромным количеством выпитого чая, существует и более серьёзный пласт нашей деятельности. Это то, что пишется детьми дома и в одиночестве, а потом приносится на обсуждение. Понятно, что такие обсуждения полезны не только юным авторам, но и обсуждающим, которые учатся высказывать своё мнение развёрнуто,

ми записями голосов известных поэтов. Итогом таких встреч чаще всего становится интервью. Иногда мы становимся обладателями совершенно уникального материала — грустно об этом говорить, но так получилось, что десять лет назад наш интереснейший разговор с Татьяной Бек оказался последним интервью с ней, и его даже перепечатал журнал «Знамя».

Недавним нашим довольно неожиданным продуктом стало создание повести из школьной жизни под названием «Целый год до каникул», которую два года писали пятнадцать авторов. Вдохновили нас на это книги любимых детских писателей — А. Жвалевского и Е. Пастернак. Эксперимент был отчаянный: в попытках увязать кучу сюжетных линий и различных мнений родился стиль «печворк», настоящее лоскутное одеяло. Приятно, что любимые авторы наш эксперимент одобрили, правда, посоветовали несколько сократить объём. Сейчас мы повесть редактируем и сокращаем — может, получится и опубликовать. Но главное не это, а то, что в процессе написания авторы постоянно чему-то учились.

Мы стараемся участвовать в литературных конкурсах и даже получаем награды. На ежегодном Всероссийском конкурсе школьной прессы мы выиграли уже столько призов, что завесили стенку в читальном зале. Несколько раз нас приглашали принять участие в работе детского жюри театрального конкурса «Маленькая премьера» и в работе детского жюри конкурса им. Корнея Чуковского. Но всё-таки это лишь побочные линии нашей деятельности, главным мне кажется другое — поддержание «книжного духа», специфической атмосферы, когда книга — это и необходимость, и радость, и желание попробовать писать самому, и умение сказать, что ты по этому поводу думаешь или чувствуешь.

Поскольку это школа, уходит один, приходят другие, иногда приводят знакомых, процесс получается текущим и неконтролируемым. Вдруг оказывается, что в наших рядах больше старшеклассников, да ещё мальчиков, — тогда мы склоняемся к формату чуть ли не дискуссионного клуба. Но вдруг начинают преобладать маленькие девочки, которые предпочитают сочинять сказки, и тогда немногочисленные старшие мальчики начинают тихо отползать в кусты или в футбольную секцию. Потом эти девочки вырастают и пишут уже фанфики и фэнтези. Тогда в гости приглашается специалист по фэнтези, который объясняет, что это жанр неперспективный. Но тут вдруг объявляется лирический поэт, который фонтанирует целыми циклами... Понятно, что с этими флуктуациями я ничего сделать не могу. Планированию наша жизнь не поддается. Но пусть идёт как идёт — до сих пор удивляюсь как чуду тому, что вот уже пятнадцать лет каждую среду дети появляются в читальном зале. После восьми часов занятий в школе, иногда даже не успев пообедать, и их никто не заставляет!

И меня никто не заставляет. Здесь мы совапали. Наверное, это главное.

Ирина ВАСИЛЬКОВА,
поэт, учитель литературы,
МОСКВА

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Троян в школьной программе

«Министерство образования и науки РФ в 2005 году забросило самый мощный «троян» в республику Федерации путём навязывания трёх вариантов учебного плана, разработанного на основе федерального базисного учебного плана» — так считает Виктор Афанасьев, председатель Комитета по культуре и языковой политике РОО Собор русских Башкортостана. С этим утверждением согласятся учителя русской словесности, которым необходимо преподавать русский язык и литературу в общеобразовательных организациях, причём я имею в виду школы с русским языком обучения, которые преобладают в республиках.

Мы знаем, что русский язык богат, могуч и непросто в изучении; овладеть им можно тогда, когда на его освоение отводится достаточное количество учебных часов. А сколько же это — достаточное количество? Педагоги, которые учились в школе до перестройки, утверждают, что раньше часов на русский язык и литературу было достаточно, потому что обучение русскому языку и литературе чтению было ежедневным при шестичасовой учебной неделе вплоть до старших классов. 11–12 часов русского языка и чтения в неделю было у учащихся советской начальной школы, что способствовало формированию базы для даль-

нейшего обучения. Согласитесь, хорошее знание русского языка необходимо для усвоения всех школьных предметов.

Сейчас, согласно учебному плану с русским языком обучения, по которому обучаются дети Российской Федерации, в начальной школе предусмотрено 9 часов на изучение русского языка и литературного чтения (5 часов — русский язык и 4 часа — литература). К старшим классам уроки русского языка и литературы неуклонно сокращаются. Учителя-словесники бьются за каждый час, утверждая, что сокращение даже одного часа в неделю скажется на качестве знаний учащихся. (Утверждающих обратное среди педагогов я не встречала — зато встречала среди политиков.)

Итак, полноценное изучение русского языка в наше время подразумевает 9 часов в неделю (в начальной школе), этому соответствует «Учебный план с русским языком обучения». А теперь — внимание! Все, абсолютно все дети начальных школ Республики Татарстан, включая русских детей, обучающихся в русскоязычных общеобразовательных школах города Казани или хуль села Покровка Спасского района РТ, изучают русский язык и литературное чтение всего 5 часов в неделю. Всего 3 часа на русский язык и 2 часа на литературу отводит им базис-

ный учебный план с русским языком обучения, разработанный МОН РФ. Он же предусматривает изучение родных языков, исключая русский из этого статуса. Только этот вариант учебного плана «благословляет» Министерство образования и науки РТ. И так, на 40% сокращены часы для изучения русского языка и литературного чтения в Татарстане. Для начальной школы, где закладываются основы грамотности, это настоящая катастрофа.

Быют ли по этому поводу тревогу учителя-словесники Татарии? Да, но с опаской. Быют тревогу и родители школьников. Слышат ли их, помогают ли им? Нет и нет. Потому что, скажем по секрету, в Республике Татарстан вот уже более двадцати лет обязательно изучение татарского языка с первого и во выпускной классы и часы на него по местным законам должны быть равны часам на изучение русского языка: 5 часов отводим на русский — извольте 5 часов изучать и татарский. Как же, ведь это — государственный язык республики, который обязан знать каждый обучающийся Татарстана, даже если изучать его нет ни желания, ни необходимости. Такова нынче российская политика, и педагоги, если и подают сигналы SOS, то в ультразвучном диапазоне, чтобы, не дай бог, не раскатать национальную лодку, в которой русские наши предки оказа-

лись 500 лет назад, но так и не стали для местной этнократии коренными. В школах в Татарстане фактически запрещено изучать русский язык в качестве родного; учебный план с изучением родного русского языка в дополнение к базовым трём часам не удаётся пробить даже через суд, а парламент РТ уже второй год торжественно принимает Госдумой закона о придании русскому языку статуса родного. Почему? Да потому, что, если этот закон примут, предмет «Родной русский язык» могут выбрать для изучения не только русские дети, но и все, кто его считает таковым. При такой ситуации может сократиться количество часов на изучение татарского языка, который назначен родным для всех.

Схожая ситуация в Башкирии смягчается лишь тем, что в Конституции республики нет показаний к равному объёму изучения русского и башкирского языков, и потому здесь в некоторых школах всё же умудряются преподавать русский язык в полном объёме. Но это происходит только благодаря мужеству конкретных директоров и особенно активных родителей школьников, все остальные обучаются по тому же учебному плану, что и в Татарстане. Министерство образования и науки РТ и РБ упорно продвигают в школы с обучением на русском языке учебный план с количеством часов

русской словесности 3+2 и активно сопротивляются плану 5+4.

Впрочем, интересы местных этнократий понятны. Гораздо печальнее, что и Министерство образования и науки РФ не спешит на помощь тем, кто понимает, как важно русскому человеку в совершенстве владеть своим родным языком, как важно вообще любому человеку хорошо владеть русским языком, так как он является государственным языком нашей Родины. Мы ведь знаем, что в городах и сёлах республик часто бывает русских жителей больше, чем в городах России, не имеющих счастья испытывать урезание русского языка в школьной программе; порой в городах и сёлах в республиках русских больше, чем жителей других национальностей, а уж русскоязычными в крупных городах и русских сёлах являются все без исключения.

Даже школьники, принадлежащие к различным этническим группам, обучающиеся в школах на русском языке в республиках, утверждают, что им необходим русский язык и полноценные часы на его изучение. Этот факт подтвердили анкетирование участников образовательного процесса (учителей, учащихся и их родителей), проведённое комитетом по образованию и языковой политике Собора Русских Башкирии среди примерно

трёх тысяч респондентов всех национальностей со всех районов РБ. Результаты показали, что практически все учащиеся, невзирая на национальность, считают необходимым полноценное преподавание русского языка и литературы. Наши дети оказались заложниками чиновников и политиков, на этом настаивают и родители, и учителя. Почему подобное анкетирование не проводят ни Министерство образования и науки РФ, ни республиканские министерства остаётся догадываться.

Почему дети, проживающие в республиках в условиях государственного двуязычия, находясь в завеломо неравном условиях обучения по сравнению с детьми не из республик? Ведь по Конституции РФ каждый гражданин, независимо от места проживания, обладает равными правами на получение образования. Почему федеральная исполнительная власть не защищает русский язык и всех граждан, желающих его изучать полноценно, на всей своей территории? Решение этого вопроса должно состоять на самом высоком уровне, но пока он остаётся без ответа. Неравенство продолжает сохраняться — а ведь сокращение уроков русского языка на 40% никак не может пройти бесследно.

Методически и информационно богат сюжет «Ершов — Гоголь». Автор «Конька» субъективен и ревнив по отношению к счастью из Малороссии, ставшему почти «своим» в столице, блестяще проделавшему путь с окраины империи в самое сердце русской литературы. Очевидно, что юный Ершов стратегией своего творческого поведения в столице строил по модели автора «Вечеров» и «Миргорода», но жизненные обстоятельства не позволили ему последовательно осуществить первоначальный план. Создание уже в пятидесятые годы прозаического цикла «Осенние вечера» — свидетельство попытки позднего соперничества Ершова с Гоголем на чужой для него территории, новый этап в развитии прежней стратегии, к сожалению, недооценённый современниками, но важный для верного понимания нами самосознания тобольского литератора.

В старших классах при изучении русской литературы первой половины XIX века вообще полезно проговорить с учащимися миссию каждого из поколений в движении отечественной словесности. Поколение Гоголя — Кольцова — Лермонтова — Ершова — Алексеев Толстого: в рамках данной литературной генерации к Ершову и его наследию от каждого из могучих представителей этой общности могут быть протянуты самые неожиданные, но существенные связи с опорой на уже изученный и требующий обобщения историко-литературный материал.

Для нас, в частности, очевидно, что художественное мышление всех представителей этого поколения отличает сочетание нескольких качеств. Во-первых, это философско-рефлексивная созерцательность. Во-вторых, это острый интерес к религиозному и нравственно-мифологическим основам жизни. В-третьих, это увязывание изобразительно-пластического ряда и сферы универсально-комического. В-четвёртых, это ориентация на идею человечества как одного человека, на открытие «объективной данности величичной и вневидимой сферы сознания» (Е.К. Созина).

Если же говорить об эстетической позиции Ершова, то это позиция младоархаистская в версии, предложенной ещё Юрием Тыняновым. Данное самоопределение художника произошло уже в первой цензурной редакции «Конька-Горбунка», и с этим связана система аллюзивных сигналов, которые мы обнаруживаем в данном тексте. Эта система идёт из культуры XVIII века (Аблесимов, Державин) и точно выбирает контакты в веке XIX (Грибоедов, Катенин, Пушкин).

И последнее. Ершов принципиально стремится к созданию положительного эпического героя с национальной спецификой. Иван, Сузге, Суворов, Лука, Прозезжий — всё это галерея оригинальных мыслительных опытов художника, наследие которого нам ещё только предстоит открыть для себя. Двухсотлетие со дня рождения мастера — повод и импульс для такой работы.

Сергей КОМАРОВ,
доктор филологических наук, Тюменский
государственный университет

ДО САМОЙ СУТИ

Навстречу Петру Ершову

Окончание. Начало на стр. 1

В-четвёртых, Ершов был искренне верующим человеком, об этом свидетельствуют письма и поэзия автора «Конька-Горбунка». По воспоминаниям его студенческого товарища А.К. Ярославцева, ставшего первым биографом литератора, Ершов часто уединялся для чтения «вообще литературных произведений и книг религиозных», «но книги религиозные, в которые он любил погружаться, старался укрывать от любопытных». Специалистами недавно было показано, насколько мощно библейская образность формировала замысел сказки Ершова и, соответственно, систему персонажей, сюжет и мотивную структуру «Конька-Горбунка».

Данный вектор генезиса сказки объясняет творческий успех текста в православной стране, а также возможность духовного взлёта юного автора в гораздо большей степени, чем различного рода догадки о природе и источниках исключительной фольклорной ориентированности текста, феноменальной пропитанности юноши народным духом, на что всегда делала упор методика в рамках школы «советской цивилизации». Кстати, именно соотношение православного и эстетического начал в пределах сказочного текста достаточно резко отличает ершовский опыт от пушкинских образцов в данном жанре.

Не исключён для словесника и путь вовлечения учащихся в современные споры об авторстве сказки «Конёк-Горбунко». К сожалению, сегодня в Москве есть группа литераторов и журналистов, пытающихся поставить под сомнение талант и репутацию Ершова, публично передать текст сказки «в руки» Пушкина. Проявить агрессивность этой кампании, некорректность её приёмов — конечно, дело не учителя, а узких специалистов по предмету, но учитель должен быть готов к неожиданным вопросам со стороны подрастающего поколения. Он должен быть готов наглядно здесь (в классе) продемонстрировать общность отрывка из «Конька-Горбунка» и другого ершовского текста, доказать филологическими доводами единство творческого почерка поэта из Сибири, не отмахнуться, а, наоборот, использовать провокативный повод для разговора о природе художественной словесности по существу.

Обозначим лишь несколько аргументов, которые в данном контексте может использовать учитель. «Конёк-Горбунко» — не единственное создание юного Ершова, да нас дошли пять его произведений, предшествовавших сказке. Они свидетельствуют о готовности юноши к реализации масштабного замысла. Их объединяет стремление к большой стиховой массе, строфонность структуры, национально-историческая проблематика с выбором ключевых событий, отдалённость исторических эпох, ставших предметом изображения, внимание к развёрнутой монологической речи героя. Стиховая масса сказки Ершова в варианте 1834 года — 2260 стихов, а пушкинской «Сказки о царе Салтане» — 996 стихов, то есть у поэта из Сибири она больше чем вдвое. Пушкин в этот период вообще не пишет сказок с такой объёмной стиховой массой. Теперь о рифме. В тексте Пушкина около 40% рифм повторяется, у поэта из Сибири повторы единичны. Юный Ершов-сказочник использует шесть видов неточных рифм, а Пушкин — три вида. Для Ершова богатая рифма скорее исключение, чем правило, в пушкинском тексте высокие количество богатых рифм. Стиховеды накопили весьма убедительный материал, свидетельствующий о том, что культура стиха в «Коньке-Горбунке» существенно иная.

Затем, в сказке Ершова предполагается возможность царём Салтаном «басурманить христиан» посредством похода на них, то есть Салтан изображается в духе

ПРАВИЛА ИГРЫ

Уроки словоблудия

Сегодня, когда всё больше и чаще пишут и говорят о воспитательном смысле всего, что делает школа, особое значение приобретает то, что до 2015 года называлось частью С ЕГЭ по русскому языку. Если ЕГЭ по литературе сдают все последние годы около 5% выпускников, то ЕГЭ по русскому — все до одного. Более того: ЕГЭ по русскому языку — единственный экзамен, результаты которого учитываются при приёме во все высшие учебные заведения. А часть С — единственная часть в этом экзамене, если так можно выразиться, расщепленного, размышляющего характера.

О том, что здесь происходит, я пишу в своих книгах «Педагогическая непоэма. Есть ли будущее у уроков литературы?» и «Сочинения о жизни и жизни в сочинениях». Но если в частях А и Б многое изменилось, то в пришедшем на смену части С 25-му заданию, которое теперь входит в часть 2 экзаменационного материала, всё осталось по-прежнему. А между тем стоимость этой части экзамена увеличилась. До 2015 года часть С давала 23 из 64 первичных баллов (то есть до пересчёта в стабильную систему; давала — в смысле могла дать). Иными словами, её доля 36,6%. Теперь такого же типа задание может дать те же

Но ведь в методическом письме Федерального института педагогических измерений (ФИПИ) ясно сказано: «Смысл аргументации ученика будет заключаться в том, чтобы в очередной раз показать актуальность, важность, жизненность, нравственную состоятельность, незыблемость доказанной этической аксиомы». А если это не аксиома? А если она нравственно несостоятельна?

Вот передо мной большая книга: «ЕГЭ 2011. Русский язык. Типовые экзаменационные варианты. 30 вариантов». Под редакцией И.П. Цыбулько. Цыбулько возглавляет работу по подготовке экзаменационных материалов и одно за другим издаёт пособия. Все формулировки проблем взятых мной из «информаций о тексте», помещённых в этой книге, — так называются шпаргалки, которые кладутся перед проверяющими экзаменационными работ. Прошу вас, когда будете читать, каждый раз подумайте о трёх вещах. Насколько близки эти проблемы современному школьнику. Насколько его жизненный опыт может стать опорой в его рассуждениях над предложенной проблемой. И какие литературные произведения он смог бы использовать для аргументации своей точки зрения. Итак:

Проблема драматической судьбы передовой личности.

войне». А я недавно перечитал «В окопах Сталинграда» — боль, горечь, ужас войны, мужество воевавших доходят до меня.

А как вам нравится задание после текста «по Л.М. Леонову», где, цитирую автора пособия, нужно доказать, что «человечество всё более нравственно изнашивается, оно находится на краю нравственной бездны, что может привести к распаду цивилизации». И на каком материале личных наблюдений и прочитанного должны выпускники школы доказать «проблему нравственной деградации человечества»? Может, главное всё-таки — помочь им разобраться в себе и в той жизни, которой они живут?

Добило меня задание по тексту М.О. Гершензона. У меня учился правнук Гершензона. После того как он перестал быть моим учеником, я был приглашён к ним в дом, мне открылся доступ в библиотеку Гершензона, к книгам, которые у нас тогда не переиздавались, а то, что я узнал о его взглядах, поразило меня своей злободневностью. В статье 1919 года Гершензон писал о том, что учитель «помогает усвоению не художественного произведения, а анализа, изложенного в учебных пособиях», о том, что ученикам дают пить не живую воду пушкинской поэзии, а химическое разложение H₂O. И что ос-

Фоток: ЕВГЕНЬЕВ

23 балла, но уже из первичных 55. То есть доля этого задания в экзамене повышается до 41,8%. Простите за высокий стиль, но для выпускника школы это задание становится более судьбоносным. Но оно становится таким и по сути своей. После предложенного на экзамене текста идёт следующее задание: «Напишите сочинение по прочитанному тексту. Сформулируйте и прокомментируйте одну из проблем, поставленных автором текста. Сформулируйте позицию автора (рассказчика). Напишите, согласны или не согласны вы с точкой зрения автора прочитанного текста. Объясните почему. Свои аргументы пишите, опираясь в первую очередь на читательский опыт, а также на знания и жизненные наблюдения (учитываются первые два аргумента)».

В критериях оценки ответа на задание 25 конкретизируется понятие читательский опыт: «аргумент из художественной, публицистической или научной литературы». Тут есть две вещи, мне непонятные. А можно ли использовать не только читательский, но и зрительский опыт (кино, телевидение)? И почему один пример из литературы стоит два балла, а один пример из жизненного опыта стоит один балл? Это ведь не экзамен по литературе.

Эту часть ЕГЭ по русскому языку часто называют эссе, что абсолютно неверно. Потому что в выборе темы, материала, стиля эссе абсолютно свободно, оно бегло, часто недосказанно. А часть С, ныне 25-е задание, идёт от предельного текста, требования к нему строго ранжированы. Более того, проверяющие эту часть экзаменационного задания получают развёрнутую информацию о тексте (а попросту шпаргалку), в которой написано, что должно быть в экзаменационной работе. Подобные «информации» о каждом тексте приложены ко всем пособиям по подготовке к экзамену. А на деле эта свобода ещё более несвободна. Учеников спрашивают, согласны или не согласны они с автором текста. Я перечитал чуть ли не все пособия по подготовке к части С. Ни в одном из них не было примера, где выпускник хоть в чём-то не соглашался с предложенным текстом. И я понимаю ту свою одиннадцатиклассницу, которая меня спросила на уроке: «А разве на экзамене можно говорить «Нет»? Разве не обязательно говорить «Да»? И я понимаю тех учителей, которые боятся, как бы их ученики при выполнении этой части задания хоть в чём-то не усомнились, не говоря уже не согласились. А между тем полно таких текстов, с которыми нужно спорить и не соглашаться.

Проблема определения понятия «мудрость».

Проблема зарождения и развития писательского таланта.

Проблема романтики труда учёного.

Проблема влияния фамилии на отношение к человеку.

Проблема влияния популярных актёров на подростков.

Проблема воспитания истинных мастеров исполнительского искусства.

Проблема человеческой ограниченности.

Проблема случайности и закономерности в жизни человека.

Проблема возникновения у человека потребности дарить цветы.

Проблема воздействия шума на человека.

Ну и каково? Я написал обо всём этом в «Учительской газете».

Прошло два года. Вот уже новая книга, про 2013 год. Всё осталось так же. И об этом я рассказал читателям. Через год — книга уже про экзамен 2014 года. Что-то из прошлого тем ушло, что-то сохранилось, что-то появилось впервые.

Проблема цельности характера русской женщины.

Проблема сохранения биологического равновесия на планете.

Проблема формирования такого качества, как незаурядность.

Как видим, уроки словоблудия продолжают. Наконец, в декабре выходит сборник типовых экзаменационных вариантов на 2015 год, под той же редакцией Цыбулько. Обратите внимание: под всеми текстами перед фамилией автора стоит скромное «по».

То есть это уже препарированный автор, отредактированный. Ну что ж, читаем.

Текст «по В.П. Некрасову». «Чёрный город и красное небо. Волга красная... И вдруг мне становится ясно, как бесцельно, беспомощно искусство: оно не может передать того ощущения, которое испытываю я сейчас, сидя на берегу перед горящим Сталинградом». Не совсем понимаю, что должен написать выпускник о проблеме, поставленной писателем. Заглядываю в шпаргалку: «Проблема неспособности искусства отразить чудовищную реальность военных дней». И что теперь делать ученику? Ему же надо привести примеры, что автор прав. «Бородино» Лермонтова, «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» Толстого, «А зори здесь тихие» Бориса Васильева, «Иваново детство» Тарковского (я как раз недавно его показывал)... ничего не годится. Ведь реальность военных дней, по мнению составителей пособия, невозможно запечатлеть, «потому что не поддаются описанию те тяжёлые ощущения, которые испытывает человек на

новой задаче преподавания литературы заключается «в целостном и непосредственном восприятии учеником художественного произведения, в возможно страстном и глубоком прочтении его».

Но вот выпускник читает предложенный ему текст: «Только избранным дано длительно созерцать своё видение, хотя бы не полностью, в обрывках целого; и это зрелище опьяняет их такой радостью, что они как бы в бреду спешат поведать о нём всему свету». И должен он, выпускник школы, ответить всего-навсего на такой вопрос: «Как соотносятся форма и содержание в произведениях искусства?» И доказать это на примерах литературы.

А ещё экзамен — самое подходящее место разобраться в своих отношениях с родителями. Выяснить, «почему порой исчезает взаимопонимание между родителями и их взрослеющими детьми», сказать, «как формируется доверительное отношение между матерью и сыном». А если задание попадёт дочери? Или тому, для кого сочинение на эту тему превратится в посыпание солью кровоточащей раны?

Но с теми, кто сочиняет такие темы, бесполезно говорить о чувствах, переживаниях учеников и учителей; бесполезно и спрашивать: «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» Не поймут.

В 2014 году Рособрандзор решил труднейшую задачу: провёл честный ЕГЭ. Теперь предстоит решить проблему куда более трудную: содержание КИМов. Что касается ЕГЭ по русскому языку, то прежде всего речь идёт о честных текстах, которые дают возможность ученику и писать честно. Ибо только тогда, когда «строку диктует чувство», возможно хорошее сочинение.

Лев АЙЗЕРМАН

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕНА

ПОБЕДА

Вечер умер.
Ещё крошится бормотня в окопах.
Чёрствые шутки
из солдатского вешмешка:
— Ты, брат, башку
поверх окопа не суй.
Сделают тебе в набабдашишке
дырку —
чем будешь её затыкать?
...Посмеялись и размыты,
разыты весенней ночью... сном.

А утром!
Человек перескочил бруствер
и пошёл по траве.
Днём. В рост. Спокойный.
Идёт! Живой!
(Христом, идущий по водам... Чудо!)
Не верю! Остолбел. Почему?
Всё во мне кричит...
Понял:
Победа!

Михаил ПАНОВ,
1945 год

ЭКСПЕРИМЕНТ

Языковой портрет советских мультфильмов

Основным источником информации для современных детей является компьютер, интернет (даже в школьных учебниках есть задания с отсылкой «Найди в интернете», «Проверь по интернету»). Литература как источник информации и пополнения словарного запаса отходит на второй план, причём даже если ребёнок регулярно читает, в диапазоне его чтения нередко преобладает литература переводная. Со всем этим связан один существенный негативный момент, влияющий на кругозор детей и их словарный запас. Состоит он в том, что речь интернета и переводной литературы крайне редко включает в себя слова устаревшие/устаревшие, территориально окрашенные, а также отчётливые «высоким стилем».

Язык интернета (особенно тот, к которому имеют доступ дети) — это язык мгновенного общения, в сжатых временных рамках и с большим удельным весом визуально-символического кода. Именно в целях простоты, доступности и максимальной экономии языковых ресурсов сетевой язык является в значительной мере усечённым, урезанным, что не только снижает общий уровень грамотности (не снижая при этом общего уровня сведений), но и существенно ограничивает объём слов, необходимых для подобного — быстрого и невдумчивого — общения.

У переводной литературы свои ловушки. При переводе крайне сложно передать архаику, диалектную лексику и сленг. Архаика уходит, сленг меняется, а передача диалекта одного языка диалектными средствами другого языка можно назвать лишь весьма условной. В связи с этим даже при наличии очень хорошего перевода — что, как мы знаем, бывает не столь часто, как хотелось бы — огромные пласты лексики остаются недоступными и непонятными для детей. Всё то, что подсознательно формирует автоматическую грамотность, даёт возможность разными способами выражать свою мысль, подыскивать точные слова для самых тонких оттенков чувств, выносится за скобки внимания именно в том возрасте, когда человек особенно интенсивно и плодотворно впитывает новые знания.

Дети много смотрят в экран — не менее, а то и более, нежели в печатные издания. Поэтому возрастает роль материала, который можно с экрана считать, — соответственно, большая нагрузка в развитии словарного запаса ребёнка, его знаний об окружающей действительности ложится на анимационный жанр.

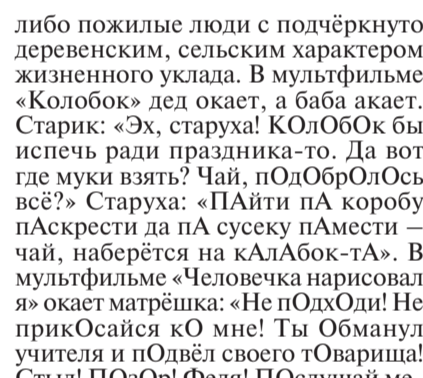
Мультфильм (здесь я рассказываю о советских мультфильмах, у них своя специфика, но многое может быть распространено и на анимационное кино постсоветского периода) в языковом плане не так просты, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, они имеют принципиально абсурдную, гротесковую природу, и реальность, представленная в них, — это мир абсолютной игры, условности. С другой стороны, мультфильмы ориентированы на передачу кардинально новой информации, вводят в мир воспринимающего новые для него реалии, понятия, образные системы, директивы. Основные составляющие языка анимационного кино, которые формируют его специфику, потенциально могут быть применены в дидактических целях.

Итак, языковой портрет советских мультфильмов включает в себя несколько опорных факторов.

1. Национально-культурный. Мультипликационный фонд советского периода включает в себя множество сказок народов бывшего Советского Союза и современной Российской Федерации. Соответственно, в этих мультфильмах вводятся специфические для данной культуры реалии. Так, в мультфильме «День рождения» по мотивам дагестанской сказки помимо собственно сюжетной линии содержатся сведения о быте кавказских народов, их характерных занятиях,

директивах, регулирующих общественную жизнь. Главная мысль, которая красной нитью идёт через весь мультфильм: днём рождения человека считается тот день, когда тот заслужит своё рождение; нельзя обижать гостя — на этом отчасти построен сюжет мультфильма.

2. Социолитературный. В советских мультфильмах предпринималась попытка введения в речь персонажей элементов языка различных социальных и территориальных слоёв. Речь здесь идёт о моделировании диалектной речи и просторечия как такового. Тем самым ребёнок узнаёт, что существуют иные варианты речи помимо литературного. Заметим, что в мультфильмах элементы диалектной речи употребляются либо мифологические персонажи,

либо пожилые люди с подчёркнуто деревенским, сельским характером жизненного уклада. В мультфильме «Колобок» дед окает, а баба акает. Старик: «Эх, старуха! КолОбОк же испечь ради праздника-то. Да вот где муки взять? Чай, ПОдОбрОлОсь всё?» Старуха: «ПАИты ПА коробу ПАскрести да ПА суеку ПАмети — чай, наберётся на КАЛАбОк-ТА». В мультфильме «Человечка нарисовал я» окает матрёшка: «Не ПОхОди! Не приКОсайся КО мне! Ты ОБманул учителя и ПОдвёл своего ТОВАрища! Стыд! ПОЗОР! Феда! ПОслушай меня! Я знаю тебя с трёхлетнего возраста! Дурногого я тебе не ПОсОветую!» Обещай мне, что завтра же утром ты во всём сОзнаешься!» Редко подобная речь отражает реально существовавшую языковую ситуацию. Принципиально здесь выражение «концепта диалектной речи», некоего представления о диалекте, которое существует в сознании пользователей литературного языка. Конкретный «диалектный облик» каждого высказывания, судя по всему, формировался уже в момент озвучивания мультфильма в зависимости от представлений о диалекте у конкретного актёра. Вводятся в мультфильмах также элементы просторечия. Сравните речь Бабы-яги из мультфильма «Два справедливых цыпленка»: «Здесь, здесь, она, эта самая баба и живёт! Сей момент! Чаво? Чаво расшумелись-та? Не видите, тихий час у дитёв! А вот хто бы мне хоть раз доброе словечко сказал! Вспомнила, как расколдовать! Надоть одно волшебное слово перед колдосом сказать! Обождите, кукарекать надо три раза крядь!» Словом, вне зависимости от чисто филологической корректности подобного рода элементов национального языка само их наличие в мультфильме может способствовать расширению кругозора ребёнка, формированию у него минимальных представлений о речи различных социальных/территориальных групп населения.

3. Социокультурный аспект анимационного кино. Язык, на котором мы разговариваем, меняется от одной исторической эпохи к другой. Многие слова, которые употребляются мультипликационные персонажи, уже стали частью новейшей истории, многие реалии прекратили своё существование. В мультфильме «Волшебная лопата» мы слышим: «Отвод Василию, отвод, плохой Василий пешеход», «Я лодырь, я для вас балласт». В мультфильме «Кто получит приз» первым к финишу приходит медвежонок — мультфильм сложно до конца понять без отсылки к контексту Олимпийских игр 1980 года. Многие реалии на момент создания мультфильма были новыми и символизировали современность, однако на сегодняшний момент воспринимаются как устаревшие. Так, в мультфильме «Мисс Новый год» (1990 г.)

вводится слово «синтетика» и даже словосочетание «опять синтетика» как примета времени.

4. Словесная игра. Язык мультфильмов построен на каламбурах, дословно понятых фразеологизмах и прочих словесных трюках. Язык тем самым обнаруживает свои скрытые потенции. Общеизвестно, что дети часто говорят оригинальными, необычными фразами и конструкциями — их язык находится в процессе становления, нормы ещё не до конца установлены... потом этот «золотой» период проходит, начинается подражание коллективу, впитывание его стандартизованных норм и устоев. В более взрослом возрасте ребёнок может заново открыть для себя языковую игру и тем самым почувствовать язык тоньше, глубже. На языковой игре очень часто строится сюжет мультфильма; так, в мультфильме «Козлик и его горе» сюжет строится на буквально понятном фразеологизме — козлик несёт мешок с горем, и друзья по очереди помогают ему его нести. В мультфильме «История с

единицей» ожившая единица говорит двоичнику: «Ты неисправимый лентяй, поэтому я неисправимая единица». Иногда языковая игра в мультфильмах строится на монтировании в речь звукоподражания речи животных: в мультфильме «Как верблюдок и ослик пошли в школу» ослик на уроке вместо буквы «А» упорно говорит «И-А». В ряде случаев словесная игра вплетена в речь персонажей — например, в мультфильме «Путешествие в страну великанов»: «А потому, хоть ты мне и сестра, я не хочу возиться с вашим братом»; в мультфильме «Человечка нарисовал я»: «Федя Зайцев, ты у нас сегодня первый ученик! Ты первым пришёл — выходит, ты первый ученик».

5. Семантический аспект. Часто сюжет мультфильма построен на введении в мир реципиента новых реалий, и весь мультфильм может быть посвящён подробному объяснению определённой реалии. В мультфильме «Кто сказал мяу» весь сюжет построен на поисках субъекта по определённому параметру — это своего рода «детектив для самых маленьких» — кошка выводится дедуктивным методом путём исключения вариантов, не соответствующих истине. В мультфильме «Кто ж такие птички» ведётся поиск объекта, соответствующего заданным параметрам: «Птички летают, выют гнёзда, несут яички». В мультфильме «Королева зубная щётка» перечисляются все объекты, непосредственно связанные с процессом чистки зубов. В мультфильме «Кубик и Тобик» сложное путём метафорического сравнения объясняется через простоту: «Усы — это мои антенны».

Мы обрисовали здесь только общую проблематику языка анимационного кино — каждая из вышеуказанных тем заслуживает отдельного рассмотрения. Несомненно, что язык советских мультфильмов представляет собой сложное многоплановое образование со своими закономерностями; он расширяет словарный запас ребёнка, учит его понимать различные оттенки значения слов и тем самым тренирует его собственную языковую интуицию. В эпоху, когда печатное слово отступает на задний план, остаётся слово звучащее, которое в интересной, игровой форме подспудно может привить ребёнку любовь к родному языку в его богатстве и разнообразии.

ДАРЬЯ ВАЩЕНКО,

кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института
славяноведения РАН